

К 60-ЛЕТИЮ Г.С. БАТЫГИНА

Лекция по методологии социологического исследования в МВШСЭН, 2002 г. (кадр из видеосъемки Н.В. Деминой)

Б.З. ДОКТОРОВ

Г.С. БАТЫГИН И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ/РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ

В этом году исполнилось 60 лет со дня рождения Г.С. Батыгина (1951–2003). Он прожил короткую жизнь, но внес заметный вклад в советскую/российскую социологию. Батыгин занимался общими вопросами теории и методологии социологии, историей отечественной науки, природой «жестких» и «мягких» методов. В течение многих лет он играл ключевые роли в редакционной политике журнала «Социологические исследования», а позже создал «Социологический журнал». Под его редакцией вышли переводы ряда книг. Он многие годы серьезно занимался преподаванием социологии, под его руководством защищено около трех десятков кандидатских диссертаций. Придавая

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США). **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

большое значение стилю социологических текстов, Батыгин определил некоторые черты языка современной российской социологии.

В статье продолжается изучение биографии Батыгина [1] и впервые обсуждаются вопросы, относящиеся к природе названного поколения отечественных социологов. Ранее биографии представителей четвертого поколения советских/российских социологов не были объектами направленных историко-научных исследований.

Изучение биографии: личностное и поколенческое

Одно из главных направлений моих исследований по истории отечественной постхрущевской социологии связано со становлением поколений внутри сообщества советских/российских социологов. Рассмотрение этой темы позволяет изучить процесс формирования нашего профессионального цеха, особенности различных возрастных когорт, специфику меж- и внутр поколенной коммуникации, подойти к выявлению функций различных поколений в нашей науке. Информационной основой для конструирования лестницы поколений советских/российских социологов и разработки методологии поколенческого анализа этого профессионального образования является архив биографий ученых, причастных к созданию современной социологии.

Во второй половине 1990-х начало созданию этого архива было положено Г.С. Батыгиным и его коллегами [2], а также рядом других исследователей. Значительную часть биографического архива составляют проведенные мною интервью по электронной почте.

Говоря о методологии изучения поколений, укажу на два взаимодополняющих подхода, которые назову макро- и, соответственно, микроподходом. Объектом макроизучения является вся совокупность поколений, а предметом — атрибуты отдельных когорт и всей их совокупности. Микроизучение фокусируется на анализе жизненных траекторий отдельных ученых. Другими словами: макроподход — это создание «групповой фотографии», на которой различим каждый герой, но главная цель «портрета» — создать образ сообщества в целом. Микроподход — это портретирование отдельного человека, «выхваченного» из групповой фотографии.

Ниже будут представлены временные границы выделенных поколений, сейчас же отмечу, что изучение жизни и творчества отдельного социолога, при всей значимости подобного рода работы, становится частью исторического исследования, только если оно помещено в более широкий контекст развития социологии, и в частности — в пространство становления поколения, к которому принадлежит этот социолог; именно в этом проявляется единство макро- и микровидения поколенческой проблематики¹. В такого рода анализе существует

¹ За прошедшие годы мною написаны статьи и заметки о социологах первого поколения (Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов,

множество проблем науковедческого, информационного, этического характера, однако его осуществление отчасти упрощается благодаря тому, что перечисленные поколения давно сложились и место, роли многих его представителей в становлении российской социологии в целом определены.

Четвертое поколение работает уже давно, его представителями внесен заметный вклад в развитие постперестроечной социологии, тем не менее в историко-наукоеведческом плане эта профессиональная когорта абсолютно не изучена. Не выявлены особенности ее формирования, теоретическое, объектно-предметное и методическое пространство исследований, проводимых этой группой, понимание ею генезиса постхрущевской социологии, отношение к наследию доперестроечного периода и так далее.

Рассмотрение биографии и постбиографии Батыгина дает серьезное основание для обсуждения личного и поколенческого применительно к четвертому поколению. С одной стороны, сделанное им признавалось и высоко оценивалось при его жизни и не потеряло своего значения в настоящее время; этот факт делает обоснованным направленное изучение его жизни, творчества и наследия. С другой стороны, наличие биографий еще тринадцати представителей этого поколения позволяет при изучении жизненной траектории Батыгина не ограничиваться личностным, но обратиться к поколенческому.

Четвертое поколение в постхрущевской российской социологии

Поколение социологов — это достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических, социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Поколенческое стратифицирование социологического сообщества трактуется как построение типологии, в определенные секции которой по заданным правилам может быть занесен каждый, кто в СССР/России занимался, занимается и будет заниматься в ближайшем будущем социологическими проблемами. В таком случае совокупность *всех* поколений — это идеальная конструкция, которая в историко-наукоеведческих построениях может служить *моделью*, или теоретико-эмпирическим описанием, возрастных страт этого профессионального цеха.

И.С. Кон, В.А. Левада, и В.А. Ядов), второго (А.Н. Алексеев, Б.М. Фирсов) и третьего (В.Б. Голофаст, Я.С. Капелюш, Г.И. Саганенко и Г.В. Старовойтова), в которых явно и неявно реализуется установка на соединение личностного и поколенческого.

Согласно предложенному мною алгоритму поколенческой стратификации в настоящее время в российской социологии работает шесть поколений, и постепенно начинает работать седьмое. Каждое из них формируется в течение 12 лет, таким образом, новая ступень лестницы поколений образуется автоматически. Это — следующее двенадцатилетие.

Так, четвертое поколение — рожденные в 1947–1958 гг., оно относится к первому послевоенному поколению советских людей. Все социологи, представленные в таблице 1, принадлежат к этому поколению. Для удобства анализа они объединены в три страты: старшая часть, центральная и младшая.

Интервью с Батыгиным было проведено Н.Я. Мазлумяновой 23 января 2002 года, за месяц до того, как ему исполнился 51 год и за полтора года до его внезапной смерти. По сути, это рассказ Батыгина обо всей прожитой им жизни [3].

Беседы с другими социологами, имена которых представлены в таблице, были проведены мною в 2007–2011 гг. и почти все опубликованы. Среди этих 13 социологов: пять женщин, восемь мужчин; двое не имеют научных степеней, четверо — кандидаты наук и семеро — доктора наук. Пятеро — философы по базовому образованию, трое — психологи, по два историка и филолога и один компьютерщик. Лишь шесть человек родились в мегаполисах — Москве и Петербурге, остальные — в средних и небольших городах.

На момент опроса шестеро жили в Москве, пятеро — в Петербурге и по одному человеку в Иванове и Тюмени. Четыре человека работали в академических социологических институтах, четверо — в государственных и независимых вузах, еще четверо — в независимых аналитических организациях и один являлся независимым исследователем. Четверо имели многолетний опыт издания (редактирования) социологических журналов.

Годы вхождения в социологию специалистов, представленных в таблице 1, заключены в достаточно широком интервале. В первой половине 1970-х — четверо, во второй половине 1970-х — начале 1980-х — шестеро и четверо — во второй половине 1980-х. Двое — из семей социологов первого поколения. У большинства по крайней мере один из родителей имел высшее образование. Четверо мужчин прошли военную службу до обучения в университете или после.

Более половины всех опрошенных окончили школу с серебряной или золотой медалью, университеты — с красным дипломом.

Отсутствие данных о составе всего сообщества советских/российских социологов, в том числе информации о социологах, рожденных в 1947–1958 гг., не позволяет говорить о степени соответствия статистики, описывающей этих 13 респондентов, параметрам (гипотетической) генеральной совокупности. Однако цели настоящего

исследования не требуют формирования обширной репрезентативной выборки. Преобладание среди опрошенных специалистов с научными степенями и учеными званиями, авторов значительного числа статей и монографий позволяет рассматривать (пусть в первом приближении) эту группу как отражающую состав активно и успешно работающих социологов четвертого поколения. Также весом их совокупный опыт проведения прикладных социологических исследований, общения с западными учеными и издания социологических журналов.

Таблица 1

**Социологи четвертого поколения,
с которыми были проведены интервью**

ФИО	Годы прихода в социологию	Годы защиты канд./докт. дис.
<i>Старшая часть поколения: 1947–1950 гг. рождения</i>		
Бачинин Владислав Аркадьевич	конец 1980-х	1980/1991
Ильин Владимир Иванович	конец 1980-х	1980/2000
Семенова Виктория Владимировна	первая половина 1970-х	1981/2000
<i>Центральная часть поколения: 1951–1954 гг. рождения</i>		
Батыгин Геннадий Семенович	1974	1977/1987
Давыдов Андрей Александрович	начало 1980-х	1989/1996
Здравомыслова Елена Андреевна	начало 1970-х	1997
Илле Михаил Евгеньевич	1976	без степ.
Мягков Александр Юрьевич	конец 1970-х	1984/2003
Ослон Александр Анатольевич	1970–1980-е	1984
Чирикова Алла Евгеньевна	конец 1980-х	1978/2003
<i>Младшая часть поколения: 1955–1958 гг. рождения</i>		
Беспалова Юлия Михайловна	середина 1980-х	1984/1999
Козлова Лариса Алексеевна	1973	1989
Тарусин Михаил Аскольдович	начало 1980-х	без степ.
Ядов Николай Владимирович	начало 1980-х	1989

Выбор профессии

По жизни Батыгин — человек, сделавший себя сам, а в профессии в ядовском смысле — самоучка, человек, которого социологии никто не учил [4]. Свой рассказ о прожитом он суммирует так: «Вряд ли я смогу припомнить какие-нибудь экстраординарные обстоятельства, повлиявшие на выбор мною сначала философского образования, а затем профессии социолога. Что касается первого, то роль внешних событий здесь весьма незначительна. А если говорить о профессии социолога, то скорее не я выбрал ее, а она выбрала меня» [3, с. 132].

Детство — в военных городах: запах стиранных гимнастеров и гурталина, фуражки, ремни, сапоги... начищенные асидолом бляхи, ко-

карды, пуговицы, погоны... заваленные снегом финские домики где-то в саратовских степях, развод караула и военный оркестр.

Его отец был строевым офицером. Во время войны шестнадцати лет он пошел в армию, и учиться у него не было никакой возможности; все образование — одногодичное пехотное училище во время войны; вечернюю школу он закончил уже майором, когда срок его службы подходил к концу. Но, замечает Батыгин об отце, «в нем сидело врожденное еврейское почитание книжности», среди офицеров с высшим образованием, он слыл «знающим человеком». Ни о какой военной карьере не могло быть и речи, хотя он считался одним из лучших ротных командиров в Приволжском военном округе. Ситуация «перекрестного давления»: местечковый еврей, не имеющий шансов на образование и повышение по службе и преданный казарме и плацу.

Мать Батыгина — из Архангельска, чисто русская, из поморов. Ее мать была дочерью священника, а отец — военным фельдшером, который свое звание получил в русско-японскую войну. Он жил в селе недалеко от города Шенкурска и был зажиточным человеком. В период раскулачивания, крестьянских репрессий семья лишилась всего хозяйства — коров, лошадей, работников. Но ссылать их было куда — они уже жили на Белом море, в Архангельской губернии.

Батыгин сменил несколько школ и окончил обучение в Сызрани, небольшом старинном волжском городе в Самарской области. По его оценке, физику, математику, химию и биологию знал плохо, а литературу, русский язык и историю — достаточно хорошо. Учительница русского языка иногда предоставляла ему возможность самому разъяснять в классе особенности правописания или управления в русском языке. Его круг общения большей частью включал детей офицеров.

В восемь лет он заболел ревмокардитом (осложнение после ангины), угрожавшим пороком сердца, и в детстве был типичным «больным ребенком». Большую часть времени вынужден был проводить в постели. Разрешалось только чтение, он читал все подряд и «научился жить в литературных мирах». В нем развилась способность «воспринимать воображаемое как реальное», и позже он считал, что его «социализация была связана с созданием фантазмагорических миров на основе текстового материала». Стремление к философии начало формироваться в нем в пятнадцать, тогда он познакомился с учебником В.Г. Афанасьева «Основы философских знаний», где для него оказалось важным не содержание, а само философствование. После этого учебника были тома Канта, изданные в «Философском наследии», но здесь уже он многого не мог понять.

С первых месяцев пребывания в комсомоле, с четырнадцати лет, Батыгин был активистом. В девятом и десятом классах избирался секре-

тарем комитета комсомола школы. В целом тот период жизни он вспоминал без сожаления, хотя свою искреннюю службу в комсомольском подразделении по охране общественного порядка не одобрял. Тогда партия и комсомол боролись с пережитками прошлого без каких-либо представлений об административном и уголовном праве. Он уточнял: «Хулиганство имело просто невообразимые масштабы. Создавались разные общественные формирования: добровольные народные дружины, комсомольские оперативные отряды. Мы работали вместе с милицией. Таскали пьяных, драки разнимали, но это имело вид комсомольского подвижничества, мы были бешеными борцами с правонарушениями...» [3, с. 138]. Родители пытались противодействовать его увлечению, но это лишь укрепляло его «идейную убежденность».

В процессе интервью Батыгин замечает: «Во мне обнаружилась постыдная склонность к моральному суждению. У подросткового строя мысли, довольно глупого самого по себе, есть какой-то авторитаризм. Я имею в виду прерогативу морального суждения и осуждения, попытку присвоить себе знание, которое даст возможность быть умнее других людей, судить их, или судить о них, что одно и то же. Видимо, этот авторитаризм также повлиял на выбор философии» [3, с. 136]. Сильное впечатление произвела на него книга, которая тогда являла собой некий кристалл социального знания, — Всеволод Кочетов, «Секретарь обкома». Возникло желание получить возможность, такую же, как наделенный властью секретарь обкома, осуществлять справедливость и преобразовывать мир. Именно так он описал предысторию выбора философского факультета.

Родители Батыгина хотели, чтобы он поступил в авиационное училище и стал летчиком, офицером. Большинство его одноклассников избрали этот путь и, возможно, многие из них погибли в афганскую войну. Если бы не философия, то и он стал бы военным летчиком, очень сильно было влияние военной среды. В 1968 году он приехал поступать в Московский государственный университет. Экзамены не сдал, но вернулся домой с твердым желанием поступать на следующий год.

Перед вторым приездом в Москву он прочел книгу Емельяна Ярославского «Библия для верующих и неверующих». В ней обильно цитировались священные тексты, и Батыгин многое выучил наизусть. Еще в Сызрани он думал обратиться к священнослужителю, чтобы поучиться у него, но одновременно осознавал, что этого нельзя делать. Во-первых, такие контакты могли негативно отразиться на службе отца, во-вторых, он понимал границы возможного для комсомольца. В Москве ничто не мешало ему «прощупать богословскую почву». Поехал в Троице-Сергиеву лавру просто поспрашивать и подумал: может, поступить в духовную семинарию? Понимал, что в

этом случае он будет ближе к «финальной истине», чем на философском факультете. Но человек, с которым он беседовал, увидел в нем «умника», которого «надо как можно дальше держать от православной церкви, от клира» [3, с. 139]. Тогда Батыгин поступил на философский факультет.

Знакомство с биографиями социологов разных поколений показывает, что юношеское стремление Батыгина к освоению философских построений, его ранние попытки чтения Канта и Сократа, бурная общественная активность и желание улучшить мир более сближают его не с представителями его профессиональной когорты, но с рядом социологов первого поколения. В своих рассказах о школьных годах социологи четвертого поколения предстают менее «философичными» и подчеркнуто менее социально активными. С другой стороны, Б.А. Грушин отмечал, что пришел в университет, не освободившись от образа Павла Корчагина, «в кожанке и с маузером», а Ядов называет себя настоящим хунвейбином. Конечно, о стремлении к истине в богословском понимании они и не задумывались.

Стремительный старт: лидер своего поколения

При поступлении в МГУ Батыгин недобрал одного балла и был зачислен на отделение научного коммунизма, там конкурс был чуть поменьше. Он вспоминал: «На отделении научного коммунизма с преподавателями была беда: знания их имели большей частью пропагандистский характер. Философский факультет не давал никакой профессиональной подготовки вообще, за исключением нескольких направлений: кафедры логики, где был очень сильный контингент, кафедры истории зарубежной философии и отчасти кафедры научного атеизма, к которой я примкнул. По этой причине я всегда писал две курсовых и защитил два диплома» [3, с. 141–142]. Обращаясь к студенческим годам, Батыгин с благодарностью вспоминает лекции профессора Г.А. Багатурии, крупнейшего специалиста по К. Марксу, марксизму, «великого текстолога». Среди преподавателей был и Э.В. Ильенков; все студенты зачитывались его книгой о восхождении абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса.

Историю античной философии им читал В.Ф. Асмус. Был еще Н.М. Рахманов, преподаватель истории КПСС, потерявший зрение на войне. По словам Батыгина, Рахманов оказал на него большое влияние: он очень хорошо понимал внутреннее движение идей и учил студентов обнаруживать в самых тривиальных текстах внутренний подтекст и понимать, «что в мире нет ни одного текста, который нельзя было бы расшифровать таким образом, чтобы в нем не обнаружились неординарные идеи» [3, с. 142].

После окончания университета Батыгина должны были призвать на срочную военную службу, и он был готов работать с личным соста-

вом и вступить в КПСС. Но в июле 1974 года обнаружилось, что он и другие выпускники философского факультета не нужны Вооруженным силам. Пришлось самому искать работу. Батыгин (тогда он еще носил фамилию отца — Гантман) стал ходить по разным московским институтам; адреса кафедр философии и научного коммунизма переписал из справочника для поступающих в вузы. Нигде для него работы не было. Он чувствовал себя дистанцированным от системы; все его ожидания, красный диплом, знание Аристотеля — и полная ненужность.

В конце сентября он случайно пришел в Институт социологических исследований. Здесь его не спросили ни о партийности, ни о рекомендации в аспирантуру (которой у него и не было). Слово «социология» для него было внове. В очную аспирантуру не поступил, конкурс был слишком большой, стал заочником. Нашлась для него временная работа кодировщиком в секторе И.В. Бестужева-Лады, «прокалывать дырки в перфокартах». Далее, отмечает Батыгин: «Стал работать как сумасшедший, сутками. Через полгода меня приняли на постоянную работу лаборантом, а через год, когда я сдал кандидатские экзамены, сделали младшим научным» [3, с. 146].

Через много лет Батыгин оценил все произошедшее как везение. Он попал в другую область, в процессе работы у него произошла смена интересов. Тема кандидатского исследования сформировалась «независимо от него». Анализируя общие вопросы типологии социальных показателей образа жизни [5], он создал перечень тематических блоков переменных — классификатор показателей и предлагал экспертам оценить значимость каждого показателя. Было около тридцати экспертов, оценка шла по семибалльной шкале; затем вручную провел статистическую обработку. Защита состоялась в 1977 году.

Через два года в должности старшего научного сотрудника Батыгин начинает работать в редакции журнала «Социологические исследования». Можно согласиться с его словами: «Мне было 28 лет, и это был абсолютный рекорд, потому что в таком возрасте стать старшим научным сотрудником мог только кто-то либо с очень большим блатом либо высокоодаренный» [3, с. 151]. В институтах математического и физического направления доктора наук и старшие научные сотрудники, не достигшие 30 лет, — не редкость, но для институтов гуманитарного профиля это исключительный случай.

В 1986 году на базе серии статей, опубликованных в «Социологических исследованиях», Батыгиным была выпущена книга по методологии прикладной социологии [6], получившая признание специалистов. Через год была защищена докторская диссертация [7].

Батыгин явно обгонял в профессиональном признании и в карьерном росте многих членов своей возрастной когорты. То, что он ра-

нее других представителей своего поколения защитил кандидатскую и докторскую диссертации (табл. 1), согласно ряду наукометрических выводов, уже дает основание говорить о нем как об одном из лидеров своего поколения российских/советских социологов. Это утверждение — не только плод анализа статистики защит, оно учитывает и информацию, содержащуюся в проведенных интервью.

Отвечая на мой вопрос о том, кто из социологов старшего или ее поколения оказал на нее наибольшее влияние, А.Е. Чирикова ответила, что ее знакомство с миром социологии состоялось в 1985 году. Тогда она, уже кандидат психологических наук, вместе с коллегой подготовила статью о профессиональных ориентациях молодежи и отправила ее в «Социологические исследования». Их пригласил к себе Батыгин — заместитель главного редактора, которому статья понравилась. «Я, — продолжала Чирикова, — не знала, кто такой Геннадий Батыгин, но он мне показался умным и понимающим человеком. Несмотря на то, что Харчев по своим мотивам попытался притормозить выход статьи в свет, Батыгин настоял на том, чтобы она была напечатана. Так я узнала первого социолога, который к тому же оказался весьма интеллигентным и обязательным человеком» [8, с. 10].

Теперь — небольшой фрагмент из интервью с А.Ю. Мягковым. В первых числах декабря 2001 года он привез в Москву статью для «Социологического журнала» и заодно решил посоветоваться с Батыгиным относительно возможности защиты докторской диссертации в совете ИС РАН. Они немного знали друг друга с начала 1980-х годов; Мягков в то время был начинающим аспирантом, Батыгин заметным человеком в «Социологических исследованиях». Намечавшаяся встреча фактически была первой после многолетнего перерыва. Мягков вспоминает, что его сильно поразили теплота приема и непринужденность общения. Было такое ощущение, как будто они всю жизнь знали друг друга и никогда не расставались. Мягков предъявил план диссертации, список публикаций и рукопись монографии и затем рассказал о своих намерениях. На его робкую просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Батыгин ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее» [9, с. 10].

Очевидно, для проводимого анализа не требуется множества примеров, из этих двух уже следует, что ровесники (Батыгин, Мягков и Чирикова принадлежат к центральному слою поколения) видели в Батыгине «старшего», а он легко понимал их и старался помочь. Это и есть явная атрибутика лидерства в науке.

Однако было бы неверным видеть в Батыгине лишь правофлангового четвертого поколения советских/российских социологов. Сделанное им до середины 1980-х и составившее основу его диссертации

ций вписывается в тематику, активно разрабатывавшуюся советскими социологами: методология исследования образа жизни, природа социальных показателей, логические и эмпирические методы социологии. Но уже в начале 1990-х под воздействием многих обстоятельств он отходит от изучения известного не только ему, но многим, предметного пространства и начинает зондировать поверхностно описанные или совсем нехоженые предметные области. Ведь в то время советские социологи много лучше были знакомы с парадигматикой и методами классической и послевоенной западной социологии, чем с опытом, достижениями дореволюционных русских социологов и социологов, работавших в 1920–1930-е годы. Освоением всей этой многослойной тематики начал заниматься Батыгин, более того, в сферу его интересов попало также становление и развитие постхрущевской советской/российской социологии. К концу 1990-х, охватив своими историческими исследованиями социологию постреволюционных десятилетий и родившуюся в постоттепельный период, Батыгин не только укрепил лидерские позиции в своем поколении, но приобрел новый статус. Он быстро занял ведущую позицию среди социологов разных поколений, причастных к изучению прошлого отечественной социологии. Симптоматично, что В.А. Ядов, собрав для работы над фундаментальным томом «Социология в России» [10] очень сильный коллектив авторов, доверил написать первую и крайне сложную главу — о российской социологической традиции — Батыгину, возможно, самому молодому в той команде.

История российской социологии — не единственное расширение исследовательского поля отечественной социологии, сделанное Батыгиным. Я полностью согласен с Л.А. Козловой в том, что Батыгиным многое сделано для развития в стране обоснованной методологии применения качественных методов [11].

Язык, стилистика, ритмика советских социологических текстов в конце 1950-х — начале 1960-х обладали некоторыми особенностями. Во-первых, они формировались по образцу, задававшемуся идеологически рафинированными журналами «Коммунист», «Философские науки» и книгами, которые выпускал «Политиздат». Редактировались не только мысли, выводы, даже немного отклонявшиеся от «буквы» директивных документов, но «причесывался» и сам текст. Во-вторых, язык советской социологии складывался под влиянием англоязычной социологической литературы, и еще отсутствовал опыт ее перевода. В-третьих, в социологию шли люди, не имевшие гуманитарного образования и не придававшие самостоятельного значения стилю своих текстов.

Чтение и заучивание многих художественных, философских и религиозных текстов, усвоение речевого стиля ряда профессоров МГУ,

желание много писать (вспоминая середину 1970-х, Батыгин отметил: «Я стал очень много писать, даже фантастически много» [3, с. 148]), редактирование текстов для журнала «Социологические исследования», сотрудничество с опытнейшими журналистами О. Чайковской и В. Сырокомским, которых он называл своими учителями, и многое другое способствовало формированию у Батыгина собственного стиля в подготовке социологических текстов. Интервьюируя Д.Л. Константиновского, социолога и писателя, я спросил у него, не кажется ли ему, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем. Константиновский сказал: «...Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запоминал. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию» [12, с. 9].

Сначала обращение Батыгина к исторической тематике и поиск им стиля изложения полученных результатов трактовались мною как две независимые характеристики его творчества. Сейчас я думаю иначе. Его движение от анализа индикаторов образа жизни к методологии прикладных социологических исследований не могло не сопровождаться поисками нового языка, стилистики. Обращение к истории социологии заставляло его идти дальше. Батыгин оказался первым или одним из первых в современной российской социологии, кто стал обращать самое серьезное внимание на стиль научного текста. И это тоже — и личностное, и поколенческое.

* * *

Имея в виду то обстоятельство, что в годы перестройки для 30–35-летних социологов раздвинулись горизонты возможного, открылись перспективы для расширения предметности научного поиска, ушла в прошлое цензура, принципиально упростился механизм общения с западными учеными, я назвал четвертое поколение советских/российских социологов «спасенными перестройкой». В начале февраля 2011 г. я разослал всем социологам, указанным в таблице 1, письма с просьбой прокомментировать это «имя» их поколения. Откликнулись одиннадцать человек, десять из которых в целом одобрили это название. Ответы — достаточно развернутые, аргументированные, приведу лишь несколько фрагментов из них:

– «...Согласен — поколение “спасенных перестройкой”. Раздвинулась структура возможностей, и те, кто получил и сохранил профессию, реализовали себя — думаю, что так».

– «...Я подумал и пришел к выводу, что это определение точно отражает реальность, по крайней мере, по отношению ко мне и многим моим

сверстникам. Годится! <...> Вот так все сошлось в одно время в одной стране, и именно наше поколение получило историческую возможность (не каждому поколению такое дается) делать социологию по мировым стандартам, учась у наших великих учителей».

– «...Лично про себя я не думала, что меня “спасла перестройка”. Но, точно, она круто поменяла и мою, и моих коллег жизнь в профессии. Стало свободно идеологически, стало больше самых разных возможностей для работы в социологии. Думаю, что перестройка повлияла на изменение моей траектории в профессии».

– «...Если брать меня как типичного представителя поколения, то точнее названия не придумать: мы “спасенные перестройкой”. Если бы не перестройка, если бы все шло, как шло, то я имел бы очень мало шансов стать социологом».

– «...Очень удачное название (яркое, запоминающееся и по сути). В значительной мере можно сказать, что я — “спасенный перестройкой”».

Батыгин в интервью 2002 года ранее других представителей своего поколения обратил внимание на то, что дала ему обновлявшаяся социально-политическая среда. Он сказал: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, то есть вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось» [3, с. 164].

В этих словах — тоже и поколенческое, и личное.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.* Ни о каком другом пути он даже помыслить не мог... Биографические заметки о Геннадии Батыгине // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.* 2011. № 1. С. 12–14.
2. *Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк.* СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
3. *Батыгин Г.С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // *Социологический журнал.* 2003. № 2. С. 132–167.
4. *Ядов В.А.* «Мы все — самоучки в социологии» // *Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк.* СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 42–63.
5. *Батыгин Г.С.* Типология социальных показателей образа жизни. Методологические и методические проблемы. Автореф. дис. ... канд. филос. наук / *Ин-т социологических исследований АН СССР.* М., 1977.

6. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
7. *Батыгин Г.С.* Методологические проблемы обоснования научного вывода в прикладных социологических исследованиях. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ин-т социологических исследований АН СССР. М., 1986.
8. *Чурикова А.Е.* «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13.
9. *Мягков А.Ю.* «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11.
10. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 1998.
11. *Козлова Л.* Ремесло Геннадия Батыгина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 14–17.
12. *Константиновский Д.Л.* «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13.